

ции эпической драмы, должны бы опираться в своих выводах на исследования конкретных драматических произведений, творчества отдельных драматургов. Было бы логичнее, если бы второй и третий параграфы первой главы предварялись второй и третьей главами диссертации о творчестве Е. Шварца.

В главах о драмах «Тень» и «Дракон» исследование проблемы бинарности мотивных комплексов, при всей обстоятельности и скрупулезности анализа функционирования комплексов, тяготеет к обозначению и характеристике противопоставленных конфликтующих сторон. Между тем бинарность мотивов в драме XX в. обнаруживается, в

отличие от сказочно-фольклорной бинарности, в образах одних и тех же героев, например Ученого, Принцессы, Доктора («Тень»), Эльзы, Шарлеманя, горожан («Дракон»).

Замечания носят характер размышлений, которые не может не вызывать новаторская по своему существу работа и не могут иметь для ее квалификации принципиального значения.

Диссертационное исследование Оксаны Николаевны Русановой свидетельствует о том, что автор его, несомненно, заслуживает искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.08 – теория литературы. Текстология.

И.В. Григорай

УГЛУБЛЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ЭПИЧЕСКОЙ ДРАМЕ В КОНЦЕПЦИИ ЕЕ МОТИВНОЙ СТРУКТУРЫ (ОТЗЫВ НА АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ)

Пермский государственный университет

Теория мотива, как справедливо отмечает О.Н. Русанова, является одной из наиболее актуальных и интенсивно разрабатываемых методологических проблем современного литературоведения. Вместе с тем представленная к защите работа отличается несомненной оригинальностью и новизной постановки проблемы: организация и функционирование мотивного комплекса рассматривается в соотнесении с теорией литературных родов и жанров; при этом автор исследования рассматривает один из самых сложных драматических жанров – «эпическую драму». Обращение не только к исследованиям, посвященным мотиву (А.Н. Веселовский, Б.М. Гаспаров и др.), но и к работам об эпической драме (А.С. Чирков, В.Е. Головчинер и др.) определило глубокие теоретические перспективы предложенного подхода.

Существенным вкладом в литературоведение является предпринятое автором исследование истории формирования мотивной структуры эпической драмы в рамках исторической поэтики и ее воплощение в драмах Е. Шварца, которые находят в диссертации неожиданные и глубокие трактовки. При этом совмещение исторического, теоретического и интерпретационного аспектов в рамках исследования обуславливает не только многоплановость работы, но и ее целостность: все выводы, полученные в ходе исследования, глубоко взаимосвязаны и представляют собой законченную и продуманную концепцию мотивной структуры эпической драмы.

Особенно интересным представляется выявление различий функционирования мотива в линей-

ном действии «аристотелевской драмы» и полифоническом, более дискретном пространстве эпической драмы. Анализ роли мотивного комплекса в организации единого смыслового поля драматургического произведения, механизмов образования мотивных пар и сложной системы внутритекстовых связей между мотивами значительно углубляет современные представления о своеобразии эпической драмы; вместе с тем автор исследования придерживается строгой академической традиции и не столько изменяет прежние исследовательские модели, сколько развивает их посредством концептуального углубления.

Несмотря на целостность и непротиворечивость предложенного подхода, некоторые положения работы нуждаются в уточнении. Так, само понятие «эпическая драма» нуждается в качественном уточнении; исходя из текста автореферата, не совсем понятно, рассматривается ли эпическая драма как жанр, «направление» (именно так эпическая драма названа на с. 5), или же категориальным признаком этого образования является своеобразие мотивной структуры, которая и рассматривается главным образом в исследовании. В уточнении нуждается и употребление термина «мотив»: не являются ли мотив как составляющая сюжета (историческая поэтика), мотив как микротема (Б.В. Томашевский), мотив как внеиерархическая единица текста (Б.М. Гаспаров) качественно разными художественными формами, попадающими в один ряд вследствие возникшей терминологической омонимии? Автор диссертации оставляет в стороне вопрос о расхождениях в употреблении данного тер-

мина, что несколько «затемняет» его собственную точку зрения.

Не совсем точными представляются некоторые элементы анализа мифопоэтики шварцевской драматургии. Так, требует доказательств рассмотрение Тени как персонажа с хтонической семантикой (с. 15). Употребление термина «культурный герой» по отношению к Ученому и Ланцелоту (с. 15) также нуждается в некоторых оговорках (впрочем, размытие терминологического смысла данного понятия происходит повсеместно в гуманитарных науках, в связи с чем широкая трактовка данного типа мифологического персонажа постепенно «легитимизируется»).

Внимание к законченности мотивной структуры драматургического произведения, жанровой определенности изучаемых художественных форм обуславливает перспективы исследования; изуче-

ние сквозных мотивов в творчестве Е. Шварца могло бы дополнить представление о своеобразии его драматургического таланта.

Высказанные замечания связаны прежде всего с дальнейшими перспективами разработки проблемы, а также сложностью и фундаментальностью самих предметов исследования – литературного мотива и эпической драмы.

Ознакомление с авторефератом диссертации О.Н. Русановой дает основание утверждать, что работа является законченным, самостоятельным и творческим научным исследованием, соответствующим требованиям, предъявляемым к работам такого жанра, а ее автор заслуживает присвоения ей ученой степени *кандидата филологических наук* по специальности 10.01.08 – теория литературы. Текстология.

Е.М. Четина

ГЕНДЕРНЫЙ ДИСКУРС В РУССКОЙ ЖЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА (ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ)

Кемеровский государственный университет

Диссертационное сочинение С.В. Татаркиной посвящено исследованию творчества А.Я. Панаевой в контексте литературной эпохи XIX в. Гендерный подход к осмыслению природы женской литературы делает работу *актуальной* и погружает в эпицентр отечественных и зарубежных дискуссий о природе феминизма, женского мировосприятия и мироосмысления, а также о характере женского письма и литературы. *Значимость* работы определяется стремлением диссертантки описать творчество А.Я. Панаевой в его целостности, с учетом наиболее значимых произведений (художественная проза и «Воспоминания»), что позволяет проанализировать текстологическое функционирование гендерных моделей в контексте разных художественных миров. *Научная новизна* диссертационного исследования С.В. Татаркиной определяется не только использованием гендерных методик анализа прозы применительно к конкретному автору, но и описанием художественного мира А.Я. Панаевой как мира уникального и самобытного, выявлением эволюционных тенденций ее творчества. Погружение исследования частного вопроса в значительный литературный контекст рождает дополнительный аспект исследовательской новизны: восстановление законов развития женской прозы XIX в. с выходом на основные эстетические тенденции современной литературы.

Масштабность системного мышления С.В. Татаркиной отражается на всех уровнях диссертаци-

онного сочинения: в описании истории вопроса, связанной с исследованием хронологии и теории гендерных методик, в установлении парадигм феминной и маскулинной литератур, жанрово-тематического принципа составления библиографии.

Основной корпус работы С.В. Татаркиной включает в себя: анализ любовного и семейно-бытового сюжета прозы Панаевой (гл. 1), исследование законов организации художественного пространства и предметного мира прозы писательницы (гл. 2) и анализ «Воспоминаний» Панаевой в контексте женской мемуарной литературы (гл. 3).

Подступом к описанию сюжетообразования прозы Панаевой в первой главе диссертации является исследование философско-идеологического дискурса 1840–1860 гг. и осмысление любовно-семейной проблематики в произведениях русской литературы XIX в. Восстанавливая ключевые концепции любовно-семейной этики, существующие в русской культуре, С.В. Татаркина обращается к христианским представлениям о гармонии супружеских отношений, патриархатной форме брака, «инновационным моделям» супружества, складывающимся под воздействием утопических идей, в частности «теории страстей» Фурье. Особое внимание уделяется личности и эстетике Жорж Санд, оказавшей значительное влияние на жизнь и творчество А.Я. Панаевой. Сомнение в этой части работы вызывает факт включения христианской традиции в эволюционный контекст формирования